

Елена Камбуrowa

Песня от кутюр

ТВ Парк - 2001 - 4 фев. - с 8-11.

«Как-то раз на очередной вопрос Раневской «Как дела?» я начала нудно рассказывать, как все плохо. Она выслушала, а потом: «Ну, деточка, вы же не поете «Ура, ура, в ж... дыра»?»

Говорят, что такого голоса больше ни у кого нет. По меткому замечанию знаменитого мультипликатора Юрия Норштейна, ее голос — смесь флейты и гобоя, Эолова лира, которая от ветра вдруг возбуждается звуком. Когда за кадром звучит голос Камбуrowой (а он звучит более чем в ста кинофильмах), увиденное на экране приобретает особый смысл. Так спеть «Где же ты, мечта?» в фильме «Раба любви» могла только она. А концерты Камбуrowой? Ведь это всегда праздник, зрелище, театр, эдакий «балаганчик», в котором органично соседствуют вокал и пластика, серьезная драматургия и клоунада. Да что концерты!.. Камбуrowa свою жизнь сумела сделать такой же яркой, как и образы, которые она переживает в песнях.

— Чего только у вас в квартире нет. Не боитесь потеряться в таком количестве предметов?

— Бояться нужно предметов, которые не живут. Таких вещей не должно быть в доме. Вот свеча: сейчас я ее зажгу, и она оживет.

— Вы, наверное, счастливый человек, раз знаете, как уйти от бытовых проблем.

— А что делать? Жизнь уныла. Вот я и стараюсь через предметы, цветы радовать и себя, и окружающих. Я, например, люблю играть со своими мягкими игрушками.

— Да что вы?!

— У меня на кухне живет целая звериная семья. Сегодня я ее так

жизни — чуть-чуть подчеркиваю глаза. Что касается одежды... У многих певиц, актрис есть дар легко и красиво одеваться. Но я почему-то боюсь. С обувью у меня вообще мистические вещи происходят: не могу найти для себя подходящую пару, ничего не получается. Самое парадоксальное, что когда-то я училась в Киеве, в Институте легкой промышленности на инженера-обувщика.

— Это что, мечта детства?

— В детстве я мечтала и мечтаю до сих пор о создании приюта для домашних животных. Был период, когда мне хотелось стать укротительницей тигров. А что касается института, все было проще: закончив в городе Хмельницкий школу с медалью, я могла без проблем поступить практически в любой вуз. Конечно, уже тогда в воображении возникали очертания сцены, но решиться на такой шаг мне мешали робость и неуверенность в себе. В самостоятельности я не участвовала — вот и пошла в первый попавшийся институт. Два года проучилась и ушла.

— В вас есть артистические корни?

— Отец был инженером, а мама — врачом. Но папа очень часто играл и пел под гитару. Да и мама любила что-нибудь продекламировать, спеть. У нее был приятный тембр голоса. Если бы не обстоятельства, неизвестно, как у нее в жизни все могло бы сложиться...

посажу, завтра — по-другому... Очень люблю розыгрыши — я ведь умею разговаривать разными голосами. Помню, как однажды разыграла Дашкевича (известный композитор, автор музыки ко многим кинофильмам, в частности к знаменитым «Приключениям Шерлока Холмса и доктора Ватсона». — Ред.). Он позвонил мне, а я ответила голосом своей тетки: «Лены нет дома. А кто вы?» — «Дашкевич». — «Не знаю, не знаю», — и повесила трубку.

— А если бы вас так же?

— Неоднократно! Меня легко разыграть, я всему верю! Когда у меня не было жилья в Москве, один знакомый сказал, что есть хо-

рошая и недорогая квартира в высотке на Котельнической. «Только условие, — предупредил он, — в ванне живет крокодил, которого надо вовремя кормить». И я поклялась, что не дам умереть бедному животному голодной смертью. Пока я ждала, когда же наконец хозяйка освободят жилплощадь, не удержалась и рассказала о своей сказочной удаче знакомым. Самое удивительное — все поверили.

— А по-моему, ничего удивительного в этом нет — просто у вас имидж такой, вам нельзя не верить.

— Вот уж никогда не задумывалась о собственном имидже. Я одинаково крашусь и на сцене, и в

— То есть любовь к музыке, поэзии все-таки наследственная?

— Не совсем. После ухода из института я сначала решила стать драматической актрисой. Вот-вот должна была поступить в Щукинское училище. Последний тур — и я не прохожу. Формулировка такая: «Несоответствие внешних и внутренних данных». Так волею судеб оказалась в эстрадно-цирковом училище, где мне случайно показали записи песен Новеллы Матвеевой. А чуть позже познакомилась с творчеством Булата Окуджавы.

— Вы начинали как камерная певица, для которой главное — голос и интонация. Сегодня ваши концерты — это мини-спектакли. Когда у вас возникло желание сменить форму подачи?

— Пела я себе, пела полупешпото Окуджаву и Матвееву, пока в моем репертуаре не появилась «Баллада о смерти Ивана Грозного» на стихи Давида Самойлова и музыку Сергея Никитина. В ней я впервые попробовала возможности своего голоса: запела от лица и царя, и бояр, и юродивого, и звонаря. Потом решила к голосу добавить пластику. Мне просто захотелось в руках почувствовать веревку колокола, а когда я сообщила о смерти царя устами юродивого, возникло желание сторбиться. Я вдруг поняла, что не нужно стесняться «показывать» песню. Кстати, в моем новом спектакле по песням Кима я даже жонглирую шариками.

— Видимо, годы, проведенные в эстрадно-цирковом училище, не прошли даром?

— В жизни все не просто так. Тогда мне казалось, что я случайно туда попала, чтобы продержаться перед поступлением в Щукинское. В итоге продержалась четыре года. Правда училась очень посредственно, а уроки вокала на определенном этапе вообще перестала посещать. Наше отделение клоунады и эстрады было неосновное, поэтому все мы были такими ротозеями и большую часть времени наблюдали за тем, как работают другие. Особенно меня привлекали воздушные акробаты. Для них не существует той приблизительности, за которую можно спрятаться на эстраде. Мы миллион раз падаем, но не разбиваемся. А они каждый раз рискуют жизнью. Или выходит на арену жонглер. И у него падают и падают булавы. В песне эти падения не так видны, к сожалению. Очень часто, слушая свои записи, я думаю: «Э-э-э, здесь песня упала, а здесь я оступилась!» Примером необыкновенной требовательности к своей работе для меня был клоун Леня Енгибаров. К тридцати годам он уже выжал из себя все, что мог. Достиг абсолюта. Он сам про себя так и говорил: «Я абсолютен, я гениален!» Он жил с той же скоростью, что и Высоцкий.

— Енгибаров тоже оканчивал ваше училище?

— Он выпустился чуть раньше нас и сразу получил заслуженного

У каждого колокольчика есть свой голос

Хорошо полистать книги и послушать любимых певцов — Эдит Пиаф и Жака Бреля

Запах свежесваренного чая всегда успокаивает

артиста, снялся в кино. Леня был настоящей звездой. Его имя прозвучало в нашем училище с придыханием.

— *А какое самое яркое воспоминание осталось у вас о нем?*

— Человек, существующий вне быта. Когда я обосновалась в нормальной однокомнатной квартире на Преображенке, он вместе с мамой получил малюсенькую квартирку в хрущевке, с кухней пять метров. Я все ждала, когда же он наконец заговорит, как недоволен, как с ним несправедливо поступили... Ни слова! В его жизни существовала только работа. И самое большое счастье — репетиции. Только представьте: Москва, лето, нестер-

пимая жара, а он каждый день ходит пешком на репетицию и говорит, что никогда так хорошо себя не чувствовал! Я была мало знакома с людьми, которые его окружали, и не знала, что он пил. А ведь Леня все время повторял, что не проживет больше тридцати семи. Так и получилось. Он пил шампанское, и в это время оторвался тромб. «Скорая» ехала полтора часа. Приехала молодая девочка, которая ничего не смогла сделать.

— *Такая осмысленная жизнь — и вдруг алкоголь. Странно.*

— У него было много завистников. Его ведь на взлете карьеры уволили из цирка. Так что повод запить, в общем-то, был.

— *Ваша творческая судьба тоже складывалась не так гладко?*

— Моя юность была связана с запретами. Требовали гражданских песен, а для меня, например, все песни Окуджавы — гражданские. Вспоминается один концерт... Вместе с пианисткой Ларисой Критской мы сделали сольную программу. Сначала сдавали ее общественности. Концерт был принят на ура. В зале МГУ сидели Микаэл Таривердиев, Ролан Быков и много других моих доброжелателей. А через неделю меня попросили еще раз показать концерт уже другой комиссии, из минкультавских чиновников, и те нам устроили настоя-

щий разгром. Кричали: «Попахивает Вертинским», «Таривердиевщина какая-то!» Но, слава богу, как и во всем, в этой области у нас была бесхозяйственность. И я потихонечку, не претендуя на оплату, через гастрольбюро выезжала. Конечно, приходили письма с мест, были разговоры с начальниками отделов кадров... Я ощущала постоянную тяжесть на душе, потому что на каждом моем концерте сидел человек, который что-то там понимал и писал куда надо. Ведь как начальники говорили: «Если вас не воспринимает народ, значит, что-то в вас не то».

— *Вы жили рядом с Булатом Окуджавой. Часто бывали у него дома?*

— Я старалась его особенно не тревожить. Когда приходила, уже спешила уйти, чтобы не занимать у него много времени. А он все время спрашивал о театре, о моих проблемах. Мне нравилась его мягкая неспешность в разговоре. Никогда не видела, чтобы он куда-то торопился, что-то наспех делал. Поплакавшись ему в жилетку, я шла общаться с его женой Олей. Окуджава — это моя религия. Его песни — мерило. По ним я сужу о других. Если они способны существовать в климате окуджавских песен, значит, они для меня подходят.

— *Вам посчастливилось близко знать и Фаину Раневскую...*

— Мы познакомились при необычных обстоятельствах. Я запи-

В этом доме живет целая звериная семья

сывала на радио «Нунчу» Горького из «Сказок об Италии». Была трансляция по радио. А Раневская находилась на гастролях в Ленинграде. Она услышала это и написала письмо, которое начиналось так: «Никогда не писала писем на радио». А дальше — невероятные комплименты. Через два года я случайно попала к ней в дом. Потом

общие никогда не произношу этих слов. Как вы могли такое рассказать!» Я ушла поверженная. Долго думала: как быть? В итоге написала письмо, в котором была фраза: «Разве наша любовь к Пушкину померкла от того, что он позволял себе такие-то и такие-то выходки». Получив его, Раневская вызвала меня к себе: «Прощаю!»

Ну никак кошка Катя не хочет дружить с плюшевой игрушкой

мы не виделись еще два года — я не решалась дать о себе знать. И опять случай. Мне нужна была ее подпись на одном письме, и я вновь очутилась у нее дома. Тогда и началось общение. Я приносила пластинки, мы слушали Эдит Пиаф, Жака Бреля.

— **Вы даже Новый год вместе встречали.**

— Три Новых года. А последний в ее жизни, с 83-го на 84-й, был очень грустный. Она лежала в постели, на полуслове заснула. И сам Новый год встретила во сне. А я сидела рядом и представляла, как она маленькая встречала Новый год в Таганроге. Богатые родители, прислуга, нянечки, сестра-красавица. Накрыт праздничный стол, музыка, веселье... Думаю, у нее было счастливое детство. Хотя о детстве мы почти не говорили.

— **А какая Раневская была в жизни?**

— Ей была присуща некоторая меланхоличность. Но я не помню ни одного вечера, когда бы она от начала до конца сидела мрачная. Как-то раз на очередной вопрос Раневской «Как дела?» я начала нудно рассказывать, как все плохо. Она выслушала, а потом: «Ну, деточка, вы же не поете «Ура, ура, в ж... дыра?» Есть люди, в устах которых подобные слова звучат легко и смешно. Раневская среди них. В то время я снималась с Мишей Козаковым. Рассказала ему эту историю. Он еще кому-то. В итоге она вернулась обратно к Раневской месяца через два. И Фаина Георгиевна промолвила: «Я страшна в гневе. Вы же знаете, что я во-

О своих кумирах Камбуrowa может рассказывать часами. Но есть тема, на которую она говорить отказывается. «Я дважды была замужем, — единственное, что было сказано о личной жизни. — И я никогда не говорю об этом с журналистами. Не люблю выставлять напоказ то, что касается лишь меня одной». От себя мы можем лишь добавить, что первый ее муж был композитором, с которым она начинала свою певческую карьеру. А второй ни к музыке, ни к театру не имел никакого отношения.

— **У вас огромный репертуар, поете на английском, французском, польском, греческом, иврите. Когда все успеваете?**

— Времени как раз в обрез. Каждый день думаю, как же научиться спать, чтобы выспаться за шесть часов.

— **А на друзей времени хватает?**

— У меня много друзей. Вот только с ними со всеми я вижу нечасто, к сожалению. Очень близкий мне по духу человек — Юрий Норштейн. Для меня праздник, когда я бываю в его мастерской. А однажды он пришел ко мне в гости и прямо на обоях карандашом нарисовал своего Ежика в тумане. Так что, видите, у меня в квартире и ежик живет. Еще есть одна компания. По традиции, мы собираемся в первую субботу сентября. Иногда просто разговариваем, а иногда поем — цыганские, народные песни. В общем, не мои песни. Пою еще с

Даже такое место можно облагородить

бабушками в Липовке, деревне в Рязанской области, где у меня дом. Я его купила лет семь назад по совету одной приятельницы. Дом старый-престарый, но мне там хорошо. Тихо так, покойно. Так вот, летними вечерами местные бабульки любят посидеть на лавочке и попеть. Я иногда подсаживаюсь к ним и тихонько подпеваю, стараюсь попасть в тон.

— **Часто туда ездите?**

— Раз в год. Туда очень тяжело добираться, такая глухомань.

— **У вас никогда не возникало желания переписать пьесу собственной жизни?**

— Этим я как раз и занимаюсь. Все хочу расставить по своим местам. Такое ощущение, что только сейчас начинаю «писать набело». Закончилась пора «черновиков». Смешно, мои ровесники уже мемуары пишут, а я только-только добредаю до состояния, когда начинаешь что-то делать.

Ольга Левинсон

Фото Натальи Логиновой и из архива Елены Камбуrowой